

ВНЕ  
ЗАКОНА

Чингиз  
Абдуллаев



В  
ОЖИДАНИИ  
АПОКАЛИПСИСА

ЭКСМО

Дронго

Чингиз Абдуллаев

**В ожидании апокалипсиса**

«PEN-клуб»

1994

## **Абдуллаев Ч. А.**

В ожидании апокалипсиса / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,  
1994 — (Дронго)

Разведка – это искусство. Эксперт-аналитик Дронго владеет им в совершенстве. Вояж по Западной Европе для него не развлечение, а опасная, изнурительная работа. «Законсервированные» агенты, ликвидаторы, связники, контрразведчики – вот с кем приходится иметь ему дело. И никто не подозревает о той цели, на которую направлен Дронго и поразить которую он должен любой ценой.

## Содержание

ЧАСТЬ I	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	15
РАЗГОВОРЫ О БУДУЩЕМ	19
Глава 5	21
Глава 6	23
Глава 7	28
РАЗГОВОРЫ О БУДУЩЕМ	31
Глава 8	33
Глава 9	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

# Чингиз Абдуллаев

## В ожидании апокалипсиса

*Это окрасит всю его дальнейшую жизнь, подтолкнет к странным решениям, которые раньше ему и в голову бы не пришли. Это изменит его представление о чести и уменьшит преклонение перед героизмом. Это поможет ему выжить, но сделает несчастным.*  
«Сицилиец». Марио Пьюзо

### ЧАСТЬ I

#### Глава 1

В этот раз не было ни предварительного вызова, ни звонка. Просто на улице к нему обратился незнакомый малоприметный пожилой человек.

– Дронго?

Сразу стало ясно, что этот незнакомец так просто не отвяжется. И точно: он назвал пароль и попросил срочно вылететь в Москву.

– Вы ошиблись, – заупрямился Дронго, – я не тот, за кого вы меня принимаете.

– Я не ошибся, – у незнакомца не дрогнул ни один мускул на лице, – нам нужны именно вы.

– Кому это «вам»? – разозлился Дронго. – Я давно перестал играть в ваши игры. И потом, бросьте эти глупые секреты и пароли. Я живу в независимом государстве и, кажется, не давал обязательств работать на российскую разведку.

– Я из управления «С», – мрачно сообщил незнакомец.

«Нелегалы», – понял Дронго, что-то очень серьезное, если на него выходят через работников этого управления.

– Это, видимо, подсказал вам психолог? – спросил он.

– Почему вы так решили? – На этот раз его собеседник чуть улыбнулся.

– Точно рассчитанный ход.

– Вы правы, – чуть помедлив, отозвался связной, – мы готовились к этой беседе.

– И вы действительно считаете, что я могу поехать в Москву?

– Уверен.

– Вы что, прокрутили на компьютере все мои предполагаемые действия?

– А как вы думаете? – На них стали обращать внимание. Незнакомец повернулся к собеседнику. – Идемте отсюда.

Шагов двадцать они прошли молча.

– Можете, наконец, вы мне объяснить, что случилось? – спросил Дронго.

– Не знаю подробностей. Просто вы очень нужны.

– Варианты отказа, конечно, исключены?

– Да, – помедлив, сказал незнакомец.

– Что будет, если я все-таки откажусь?

– Я из управления «С», – жестко повторил незнакомец после некоторого молчания.

– Понимаю. У вас есть приказ о моей ликвидации?

– Скорее нейтрализации, – быстро ответил незнакомец, – вы же все понимаете. Если операцию проводит наше управление, она строго засекречена. Возможность утечки информации должна быть полностью исключена. Мы обязаны продумать все варианты.

– Что в данном случае означает ваш дурацкий термин «нейтрализация»?

– Мы передадим ваше досье в местную госбезопасность.

– Ну и что? – удивился Дронго. – Я никогда не работал против своей страны.

– Вы же умеете считать варианты. Вами заинтересуются. Для начала за вами установят наблюдение, возможно, даже арестуют. При общей политической нестабильности в вашей республике никто не будет долго разбираться с русским шпионом и бывшим сотрудником Госбезопасности СССР.

– Вам не стыдно? – укорил Дронго. – Вы же отлично знаете, что все это неправда.

Собеседник промолчал. Они сделали еще несколько шагов.

– А если я расскажу, что вы меня шантажируете, – вдруг весело спросил Дронго, – или еще лучше, попытаюсь ликвидировать вас?

Незнакомец остановился.

– Вы с ума сошли?

– Почему? Действую вашими методами.

– Перестаньте немедленно, – связной разозлился, – я гоюсь вам в отцы, а вы надо мной издеваетесь.

– По-моему, это вы мне только что обещали кучу неприятностей, а теперь обиделись.

– Вы поедете? – в упор спросил незнакомец.

– Я должен четко знать для чего. Если меня приглашают для работы против моей страны, я заранее отказываюсь. Хотя подозреваю, что ради этого меня не звали бы в Москву. После последней операции в Австрии я был убежден, что более вам не понадобится. Со мной поступили тогда не очень красиво.

– Я не в курсе, – виновато пожал плечами незнакомец.

Дальше они шли молча. Дронго вспоминал последние месяцы, наполненные унылым однообразием похожих друг на друга дней, свою командировку в Австрию, смерть Натали. Позади целая жизнь, вернее, несколько жизней, прожитых им за время командировок. Впереди не было ничего. Только длинные серые будни.

– Вы летите? – не выдержав, спросил наконец незнакомец.

– Подозреваю, что на компьютере с самого начала был запланирован мой ответ. У вас хороший психолог. Когда мне нужно вылететь?

## Глава 2

В Москве Дронго встретили прямо в аэропорту, чего раньше никогда не случалось. Не выдав своего удивления, он позволил подтянутым молодым людям посадить его в автомобиль. Молчаливый водитель стремительно вывел машину на трассу. С момента встречи не было произнесено и десяти слов. Лишь при отклонении от привычного маршрута Дронго позволил себе спросить:

– Мы едем не в Москву?

– Нет. – Сидевший за рулем не произнес больше ни слова, а он не стал более уточнять.

Они ехали около полутора часов, пока наконец не свернули в лес. «Военно-спортивный комплекс», – прочел он на одном из дорожных указателей. Автомобиль осторожно съехал на небольшую дорожку. Через несколько минут у шлагбаума их остановил военный патруль. Внимательно проверив документы всех троих, их пропустили дальше. Еще через несколько минут, войдя в дом, они были уже у дверей кабинета. Сопровождавшие его работники осторожно постучали.

– Войдите, – раздался знакомый голос.

Они вошли в большую комнату.

Дронго сразу узнал Родионова. Второй человек, сидевший за столом, был ему незнаком.

– Добрый день, – Родионов крепко пожал ему руку, – я был уверен, что ты прилетишь. Свободны, – отпустил он сопровождающих. Когда за ними закрылась дверь, он обернулся к незнакомцу: – Позвольте представить, Дмитрий Алексеевич, – это наш Дронго.

Незнакомец кивнул, протягивая руку. Рукопожатие было спокойным и уверенным. «Бывший спортсмен», – отметил Дронго. Они сели за стол.

– Ты завтракал? – спросил его Родионов.

– Еще не успел. Летел утренним рейсом.

– Сейчас я распоряжусь.

Незнакомец с интересом рассматривал Дронго.

– Я много о вас слышал, – приветливо обратился он к нему, – но представлял несколько другим.

– Наверное, вы знакомились с моим досье?

– Не пытайтесь сразу блефовать, Дронго, – заметил Дмитрий Алексеевич, – вашего досье у меня нет. Его имеют право брать только начальник внешней разведки и его заместитель. И вы, кстати, это отлично знаете.

– Странно, – Дронго сделал вид, что удивился, – а вчера меня ваш связной уверил, что мое досье уже готово для передачи в республику.

– Это ваша затея? – сердито спросил Дмитрий Алексеевич у Родионова.

Тот покачал головой.

– Вы же знаете, я всегда был против подобных методов.

– Поговорим после. – Дмитрий Алексеевич повернулся к Дронго. – Вы знаете меня?

– Нет.

– Никогда не слышали?

– Нет.

– Я начальник внешней контрразведки в управлении «С».

– Вы заняли место генерала Калугина?

– Я занимаю свое место, – жестко отрезал генерал. – Калугин возглавлял внешнюю контрразведку в 1-м Главном управлении, а я в управлении «С». Это немного разные вещи.

От Дронго не ускользнуло, как раздраженно дернулся генерал при упоминании имени Калугина.

– Насколько я знаю, ваше управление проводит операции с нелегалами, – продемонстрировал свою осведомленность Дронго, – а ваш отдел, видимо, специализируется на их ошибках.

– В каком смысле?

– В прямом. Вы не наказываете своих людей и не проверяете. Вы их просто убираете. Очень приятно с вами познакомиться.

– Не паясничайте, – одернул его генерал, – да, мой отдел специализируется на нелегалах. Но это не значит, что мы их всех убираем. Некоторых мы успеваем вывезти домой в СССР... черт, забыл, в СНГ.

– Чтобы арестовать и расстрелять уже по приговору суда?

– С вами невозможно разговаривать, – разозлился генерал, – вы специально приехали сюда, чтобы мне хамить?

– Дмитрий Алексеевич, это у него такая манера разговора, – извинился Родионов, – я же предупреждал.

– Помолчите, – оборвал его генерал. – Я хочу знать, – обратился он к Дронго, – вы будете работать с нами?

В дверь постучали.

– Войдите! – крикнул Родионов.

Вошел молодой человек с подносом, на котором были стаканы с чаем и стопка накрытых салфетками бутербродов. Дронго, взяв бутерброд, спросил:

– А зачем же я здесь?

– Вы не ответили на мой вопрос. – Дмитрий Алексеевич подхватил с подноса другой бутерброд.

– Если кого-то нужно убивать – это не для меня. А в остальном... Я работаю уже десять лет.

Бутерброд оказался вкусным.

– Мне рассказывали о ваших операциях, – кивнул генерал, – особенно о последней, в Австрии.

– Значит, вы должны меня понять.

– Должен. Но я не терплю хамства. Даже у таких талантливых людей, как вы, – просто сказал генерал.

– Извините, – выдохнул Дронго. – Я был не прав.

– Принимаю, – генерал кивнул ему в ответ, – а теперь давайте сразу к делу. Вы хорошо помните свою последнюю командировку в Австрию?

– Конечно, помню. Там из-за глупости нашей разведки я потерял женщину и двух агентов. Думаю, вы об этом знаете.

– Знаю. Теперь успокойтесь и постарайтесь четко отвечать на мои вопросы. Американцы в итоге вам не поверили. Правильно?

– Да. А кто мог бы поверить в такую игру?

– Отвечайте только на мои вопросы. МОССАД тоже не поверил?

– Конечно, нет.

– Значит, ситуация была такова: вас подставили. Американцы об этом знали?

– Да.

– МОССАД тоже знал?

– Да.

– Вы в свою очередь не знали, что КГБ вас подставил?

– Сначала не понимал, потом понял.

– Теперь подумайте и ответьте. Американцы знали, что вы встречались с Натали?

– Думаю, догадывались, – зло ответил Дронго.

– Израильцы знали?



- Конечно, да.
- Значит, обе разведки знают, что в результате последней командировки вы потеряли любимую женщину. Верно?
- Можно сказать, да.
- И это случилось отчасти из-за того, что КГБ подставил вас как приманку?
- Да.
- Однако вы сумели выполнить свое задание и вернуться домой.
- Да.
- А сейчас самый важный вопрос. Как вы думаете, американцы поверят, что КГБ вторично решило подставить вас?
- Что?.. – Дронго вскочил на ноги, поперхнувшись остатками бутерброда. – Из-за этого меня вызвали сюда? Опять ваши идиотские игры?
- Вы не ответили на мой вопрос, – терпеливо, но жестко возразил генерал.
- Дронго задумался. Профессионализм сработал и на этот раз.
- Нет, – решительно проговорил он, – в это не поверит никто. Просто потому, что я не позволю вторично подставить меня.
- Верно, – кивнул головой генерал, – после смерти двух агентов и гибели Натали вы должны были выйти из игры. Более того, вы возненавидели КГБ, которое вас подставило.
- Откуда вы знаете, что это не так? – с неожиданной злостью спросил Дронго.
- Вы – профессионал, а это значит, что эмоции должны быть под контролем разума. Вашего разума.
- Я, кажется, начинаю понимать, – кивнул Дронго, – в это невозможно поверить, и именно поэтому вы решили разыграть эту карту. А я все гадал, для чего я вам нужен.
- Мы умеем просчитывать варианты, – подтвердил его догадку генерал, – скажите мне, кто поверит, что КГБ решило использовать уже разоблаченного агента? Кто поверит, что, подставив его один раз, мы решили подставить его второй? Кто поверит, что агент, потерявший трех друзей в предыдущей операции, согласится на подобную командировку? Это абсолютно невероятно, и именно поэтому мы решили пригласить вас.
- Чтобы еще раз подставить? – спросил Дронго, глядя в глаза генералу.
- Да, – ответил тот, не отводя глаз, – именно для этого. И нам нужно только одно – ваше согласие. Вы уже поняли: заменить вас мы не можем. Такой шанс бывает один на миллион. Даже нарочно мы не смогли бы создать подобной ситуации.
- Дронго молчал. Он тоже умел просчитывать варианты.
- Верно, – наконец проговорил он, – действительно ситуация уникальная. Я снова отправлюсь в командировку, а вы сообщите американцам, что я двойной агент?
- Нет, – поднявшись, генерал приблизился к Дронго, – на этот раз вас арестуют почти сразу по прибытии на место. Но только после выполнения нашей операции.
- В комнате наступило молчание.
- У меня будет сверхзадача, – понял Дронго.
- Да. И не одна, – ответил генерал, – об этом мы поговорим подробнее.
- Я еще не дал согласия, – напомнил агент.
- Молчавший Родионов неожиданно засмеялся.
- Думаю, что вы согласитесь. Наши психологи были убеждены в вашем положительном ответе.
- Я всегда считал, что на меня достаточно одного психолога, – невесело заметил Дронго.
- Над этой операцией работали восемь человек. Весь наш отдел. – Помолчав, Родионов добавил: – Они дали нам почти стопроцентную гарантию, что вы согласитесь.
- Какие у меня сверхзадачи? – спросил Дронго у генерала.

– Первая: выйти на нашего агента Стивена Харлета. Он занимает примерно такую же, как я, должность.

– А вторая?

– Вторую я вам не скажу. Там сидят не дураки. Вам будут прочищать мозги, проверять вас на детекторах и разных компьютер-тестах. Вы не должны знать своего задания до определенного момента.

– Как я узнаю, что этот момент наступил?

– Вы узнаете, – успокоил генерал, – мы все продумали.

## Глава 3

Нужно очень любить свою работу, чтобы мокнуть под дождем вот уже второй час. Дронго поднял воротник. Дождь не прекращался, словно решил испытать его терпение. Наконец он увидел огни фар подъезжавшего автомобиля. За рулем сидел молодой мужчина лет тридцати. Он приоткрыл дверцу.

– Садитесь, – пригласил водитель с заметным эстонским акцентом.

Дронго не заставил себя дважды упрашивать.

– Добрый день, – сказал он, когда машина тронулась.

– Здравствуйте, – вежливо отозвался эстонец.

Еще минуту они молчали.

– Документы в «дипломате» на заднем сиденье. Код – семьсот тридцать один, – наконец сообщил водитель.

Дронго обернулся, протягивая руку.

– Куда мы едем? – спросил он, быстро просматривая бумаги.

– В гостиницу в Таллине. Ваш паром отходит в Хельсинки только завтра.

В отдельной папке были деньги. Двадцать тысяч немецких марок. Дронго, не считая, положил купюры в карман.

– Расписка нужна? – спросил он.

Эстонец улыбнулся, покачал головой.

– А раньше просили. Как далеко зашла перестройка в разведке! – пошутил Дронго.

Эстонец не ответил, но, кажется, усмехнулся.

К отелю подъехали под вечер. За все время дороги они больше не сказали друг другу ни слова.

– Вам заказали номер, – выдал из себя водитель, – можете показать свой паспорт и вселяться в гостиницу. Платить нужно самому.

– Понятно. – Пассажир вышел из автомобиля, возвратив «дипломат» водителю. Деньги и документы были у него в кармане. – Спасибо. – Взяв свой небольшой чемоданчик, Дронго зашагал к отелю. Автомобиль тут же отъехал.

В гостинице «Олимпия» он получил обычный одноместный номер. Он и раньше бывал в Таллине, но теперь впервые оказался в знакомом городе и в знакомой гостинице, ставшими «заграницей». Новизна ощущений скорее угнетала, чем радовала. Он знал здесь многих, и многие знали его. Дронго мог часами гулять по старому Таллину, спускаться по узким улочкам, просиживать в маленьких уютных кафе и ресторанах прибалтийской столицы. Однако в этот раз он впервые приехал в Таллин не на отдых, а на работу.

Через час должна была состояться его встреча со связным, и он, убедившись, что время есть, прилег на кровать. Полученное задание не только в корне отличалось от всех предыдущих, но и в какой-то мере заставляло Дронго пересмотреть устоявшиеся взгляды на ход событий, происходящих в его стране и за рубежом.

Если раньше у него были хоть малейшие шансы на самостоятельную разработку операции, то сейчас он был ограничен жесткими рамками инструкций.

Когда до назначенного времени осталось двадцать минут, он начал одеваться. Выходя из отеля, Дронго не сдал ключ, посчитав, что его отсутствие может остаться незамеченным.

В условленном месте его ждал автомобиль. Сев в машину, он поздоровался. За рулем находилась женщина средних лет. Ей можно было дать лет тридцать пять, а то и все сорок. Среди густых темных волос кое-где пробивалась седина, у рта явственно проступали волевые складки. Дама была в темных очках и не сняла их, даже когда он сел в машину.

– Добрый день, – приветливо ответила женщина, заводя машину. – Вы Дронго?

- Да.
- Меня зовут Мария Грот.
- Очень приятно. Мы будем работать вместе?
- Вы разочарованы?

Он уловил в ее голосе насмешку.

- Нет. Просто спрашиваю.
- Как мне вас называть?
- По паспорту я Андрэ Фридман.
- Так и называть?
- Если вам больше нравится моя кличка...

Мария посмотрела на него, чуть улыбнувшись.

Кажется, первый контакт был установлен.

- Куда мы едем? – спросил он.
  - В ресторан. Здесь за городом есть прекрасное место, где можно поговорить.
- Дама достала сигареты и, посмотрев на него, щелкнула зажигалкой.
- Насколько я знаю, вы не курите.
  - Нет.
  - Дым вам не мешает? – Кажется, язвительность его партнерши не имеет пределов.

Дронго засмеялся.

- Считайте, что первый раунд вы выиграли.

Мария подхватила его тон:

- Мне столько рассказывали о ваших подвигах. Это впечатляет.
- Автомобиль выехал на трассу.
- Нам далеко ехать? – спросил он.
  - Здесь минут десять.
  - Вы уже знаете свой маршрут?
  - Да, через Швейцарию.
  - Встречаемся в...

Достав листок, Дронго написал название города и улицы. Мария удивилась.

- Почему там? Мне говорили о другом городе.

– Я люблю менять план действий в рамках разумного. Никогда не следует пренебрегать безопасностью.

Оба знали, что в автомобиле включен скэллер, исключающий возможность подслушивания. Однако последние достижения техники позволяли подслушивать по колебаниям оконных стекол путем направленного луча. Дронго не хотел рисковать.

Взяв зажигалку, он сжег листок.

- Вы бывали в этом городе?
- Неоднократно.
- Значит, встретимся там в условленное время. Пароль вам не нужен? – почти серьезно спросил Дронго.

Мария засмеялась.

- Вы отыгрываете свое очко. Я привезу «инструменты» прямо туда.
- Договорились. Постарайтесь узнать особенности его характера, время, место обычных встреч. У вас есть его фотография?

- Нет, но я видела его лицо.

– Насколько я могу судить, достаточно волевое. Если этот тип что-либо задумает, обязательно осуществит. Кстати, такую характеристику на него дали наши психологи. Вы знаете, сколько у нас времени? – спросил Дронго.

– Три дня. У меня есть рекомендации психологов по поводу его предполагаемых действий в случае обострения ситуации.

– Какие шансы на его согласие?

– Все просчитано. Коэффициент больше шестидесяти. Если ничего не помешает, – добавила спутница.

– Человеческий фактор изменчив. Просчитывали два месяца назад, за это время многое могло произойти.

– У него умерла жена. Мы ввели поправку. С учетом особенностей его психики коэффициент согласия даже несколько повысился.

– Я никогда особенно не доверял этим данным, – возразил Дронго, – они всегда бывают не до конца продуманными.

– Знаете, – вдруг улыбнулась Мария, – я вспомнила, как в аналитическом отделе мне всегда говорили о неверии ребят из Первого управления в их науку. Разведчики – снобы, утверждали аналитики.

– Не думаю, просто разведчики иногда лучше просчитывают варианты на месте с учетом человеческого фактора.

– Кстати, вы знаете, что бывшие руководители разведки Крючков и Шебаршин тоже не особо доверяли аналитикам?

– Ну и что?

– Ничего. Просто есть один известный случай. Семнадцатого августа девяносто первого года, за сутки до начала активных действий, на стол председателя КГБ Крючкова положили информацию аналитического отдела. Там прямо указывалось, что путч обречен. Крючков не поверил, посчитав это обычной перестраховкой. Последствия вам известны.

– Откуда у вас такая информация? Кстати, вы разве сами не из Первого управления? – Агент внимательно посмотрел на собеседницу.

– Я из управления «К». – Остановив машину, женщина сняла очки. В автомобиле наступила минутная тишина.

– У вас красивые глаза, – только и нашелся Дронго.

– Что? – немного растерялась Мария.

– Я говорю, у вас очень красивые глаза. Значит, в случае провала моих усилий вы...

– Да, я ликвидирую его.

Управление «К» занималось ликвидацией неугодных агентов и связных. Это был отряд профессиональных убийц в КГБ.

– Я начинаю вас бояться. У вас нет полномочий в отношении меня?

– Есть, – отозвалась Мария, – если вы попадете к американцам раньше назначенного времени.

– Что значит раньше времени? Вы меня уберете?

– Я постараюсь нейтрализовать последствия нежелательного срыва.

Они смотрели друг на друга в упор.

– У вас красивые глаза, – повторил Дронго. – Зачем вы мне это рассказываете?

– У вас не должно быть иллюзий. Операция исключительно важна, и вы об этом знаете.

Он вышел из машины, осторожно закрывая дверцу.

– У меня давно нет никаких иллюзий в отношении всех разведок мира, – устало произнес Дронго.

Вышедшая за ним Мария громко хлопнула дверцей.

– Я должна быть предельно искренней с вами. Это входит в мои установки и соответствует моим желаниям.

– Идемте в ресторан. И договоримся, о делах ни слова.

В маленьком эстонском ресторанчике, рассчитанном на двадцать—двадцать пять человек, было почти пусто. Они сели в углу, вежливый официант, предложив меню, удалился.

– Что вы будете есть? – спросил Дронго.

– Мне все равно. Вернее, выбор за вами.

– Хорошо. – Он углубился в изучение меню.

Сделав заказ, откинулся на спинку кресла и задал неожиданный вопрос:

– А кто из писателей вам больше нравится?

– Что? – не поняла Мария в первый момент.

– Я спрашиваю, кого вы любите читать?

– Ремарка, – сухо ответила женщина и, помолчав немного, добавила: – еще Франсуазу Саган.

Официант принес минеральную воду, бутылку вина, бесшумно разлил его в бокалы.

– Ваше здоровье, – провозгласил Дронго.

Он обратил внимание, что его дама почти не пьет.

– Отдаю должное вашему вкусу. Ремарк – изумительный писатель. Особенно его «Триумфальная арка». А я люблю Хемингуэя, – поведал Дронго, – и американских фантастов: Азимова, Брэдбери, Шекли, Саймака.

– Я знаю, – кивнула Мария, – мне говорили об этом.

– Вам, наверно, известно обо мне все. А я вас вижу первый раз в жизни. У вас есть семья?

– Дочь, – сухо ответила собеседница, доставая сигареты.

– Вы разведены?

– Муж погиб десять лет назад. – Мария осторожно положила сигарету в пепельницу.

– Простите.

– Ничего. Это случилось в Афганистане, в октябре восемьдесят второго. Он был летчиком.

Официант принес первые закуски, аккуратно расставив все на столе.

– Мы будем вместе достаточно долго, – объяснила свою словоохотливость женщина, – и в наших интересах знать друг о друге достаточно много.

– Вы делаете это только из профессионального интереса?

Усмехнувшись, Мария достала из сумки очки, протерла их платком и положила обратно.

– Да, – решительно ответила она, – только потому. Мы же договорились: о делах ни слова.

– Больше не буду. Давайте поговорим о Ремарке.

Через три часа, когда они снова сядились в автомобиль, Дронго спросил спутницу:

– Можно я задам вам один вопрос?

– Конечно, – кивнула женщина, надевая очки, – но только один.

– Вы давно в управлении «К»?

– Восемь лет, – просто ответила она.

– И... есть успехи?

– Вы обещали задать только один вопрос, – сухо напомнила женщина.

– Простите.

Обратно возвращались молча. Уже у самой гостиницы она вдруг быстро произнесла:

– Насколько я знаю, на вашем счету тоже есть кое-что, и немало.

– Да, но это была суровая необходимость. Я защищал свою жизнь, – возразил Дронго.

## Глава 4

В Хельсинки он прибыл рано утром. Сойдя с корабля, поспешил в гостиницу, по дороге успев разменять несколько тысяч немецких марок. Обычный маршрут разведчиков через другую страну включал в себя обязательно и этот элемент безопасности. Несмотря на то что разведка предпочитала использовать деньги, получаемые в банках за рубежом, возможность провала нельзя было исключить. Купюры могли быть взяты под контроль при выдаче, и тогда прибывший на место агент автоматически проваливал хорошо продуманную операцию. По инструкции для большей гарантии рекомендовалось разменивать деньги в третьей стране. Дронго никогда не пренебрегал этими правилами, не раз спасавшими ему жизнь.

Кроме того, по легенде Андрэ Фридман прибывал в Германию именно из Финляндии. В Хельсинки он не должен встречаться ни с кем из связных, но в условленном месте его ждал «почтовый ящик». Дронго благополучно отправил первое донесение в Москву и взял билет на вечерний рейс в Мюнхен.

Многие полагают, что «почтовый ящик» – это обязательно тайник в лесу или в городе, где нужно оставить зашифрованную записку. На самом деле разведка давно отказалась от подобных уловок, которые встречаются разве что в плохо сделанных детективных фильмах. «Почтовым ящиком» теперь могли служить скамейка, бар или улица, где разведчик должен появиться.

Особенности походки, различные предметы в руке, стиль одежды – все это могло быть кодом для связного, принимающего эти данные как понятные только ему сообщения. Даже платок, вынутый во время прогулки, мог о многом сказать профессионалам.

Прибыв в Мюнхен, Дронго сразу отправился в отель, заказанный предварительно из Хельсинки, и попросил портье принести ему билеты на завтрашний вечерний поезд в Дрезден. Из номера он заказал также автомобиль на завтрашний день.

Рано утром «Мерседес», взятый напрокат, уже стоял в гараже отеля, и, пока постоялец завтракал, расторопный швейцар распорядился подогнать машину к дверям.

Выходя из гостиницы, Дронго попросил дежурную в холле разрешить ему позвонить. Девушка весело кивнула. Он набрал номер и, услышав голос, сказал по-английски:

– Добрый день. Вас беспокоит Андрэ Фридман. Я звоню по поручению своей фирмы.

На другом конце провода глуховатый мужской голос, чуть поколебавшись, с акцентом ответил:

– Я знаю о ваших предложениях. Давайте встретимся и поговорим.

– Договорились. Я буду через два часа.

Он положил трубку, улыбнувшись дежурной.

– Большое спасибо.

За рулем разведчик всегда чувствовал себя не совсем уверенно, помня, как однажды в Индонезии потерял преследуемую машину и лишь чудом нашел затем нужного ему человека.

До места встречи в Штарнберге можно было доехать за полтора часа. Поэтому Дронго вел машину осторожно, попутно проверяя, нет ли за ним наблюдения. Все было спокойно, и он добрался до Штарнберга минут за десять до назначенного времени.

Подъехав к озеру, он остановил автомобиль у небольшой лодочной станции, где было пришвартовано несколько маленьких катеров. В одном из них сидел пожилой мужчина лет шестидесяти. Он был в кожаной куртке и большой кепке, надвинутой на глаза. Увидев Дронго, он привстал, приветливо махая рукой.

– Мистер Фридман? – обратился к нему хозяин катера.

– Да.

– Идите сюда. Я вас жду.

Дронго прошел вдоль причала и спрыгнул на катер. Мужчина протянул ему руку.

- Альфред Гreve.
- Андрэ Фридман.

Рукопожатие было крепким. Гreve прошел в каюту, вскоре послышался треск мотора. Развернув катер, они отошли от берега. Было довольно прохладно, и Дронго подумал, что его легкий костюм не предназначен для таких прогулок. Тем не менее он предпочел остаться у борта. Через двадцать минут их причал уже невозможно было разглядеть за линией горизонта. Заглушив мотор, хозяин катера прошел на палубу.

- Вам не холодно? – спросил Гreve.
- Ничего.
- Если хотите, пройдем в каюту. Там у меня есть виски.
- Спасибо, я не пью виски, – улыбнулся Дронго, – мне действительно пока не холодно. Гreve сел рядом с ним.
- Вы из Москвы? – перешел он на русский.
- Да, – кивнул Дронго. – Они просили передать вам привет.
- Спасибо. Как там дела?
- Ничего хорошего, – честно признался Дронго.
- Понятно. Я, конечно, читаю газеты, но понять трудно. Почему все так кончилось?
- Вы давно не были дома? – сочувственно спросил Дронго.
- Двадцать лет.
- Немало.

– Я тоже так думаю. Вы, кстати, второй живой человек, с которым я разговариваю за все это время. Первый связной прибыл двенадцать лет назад. До этого восемь лет я «вживался» в эту среду. С ним я работал почти столько же. Хотя «работал» громко сказано. Мы с ним встречались два раза в год. В восемьдесят девятом его отозвали. С тех пор я один. – По-русски Гreve говорил с акцентом.

- Понимаю.

– Последние три года не могу понять, что происходит. Молчит мой «почтовый ящик», никто не выходит на связь. Думал, может, обо мне забыли? Хоть я и немец по национальности, но всегда считал себя советским гражданином. А кто я теперь? Я даже, наверное, не могу назвать себя гражданином России. Все мои родные из Северного Казахстана.

Дронго молчал, понимая, что человеку нужно выговориться.

– С другой стороны, я здесь уже привык. За двадцать лет обзавелся друзьями, женился. Как я теперь могу уехать, куда? Иногда даже беспокоюсь, вдруг дома узнают, что я русский шпион. Я ведь начал забывать русский язык. Мне кажется, что я всегда жил здесь, в Германии, и вообще это моя родина, дом моих предков, а все остальное дурной сон. Вы же знаете, я был «законсервирован».

В борт катера чуть слышно ударили волны.

Гreve усмехнулся.

– Термин какой придумали: «законсервирован». Я должен был сидеть и ждать, когда я понадобится. Двадцать с лишним лет ждал. Так и не понадобился. Смешно?

- Не очень. – Дронго вздохнул. – Кажется, становится зябко. Давайте ваше виски.

Они прошли в каюту. Альфред, достав из бара бутылку, разлил янтарную жидкость в два глубоких бокала.

- Не разбавлять?

Дронго кивнул, получая свое виски.

- Ваше здоровье.

От выпитого стало действительно тепло. Гreve достал сигареты, закурил.

– Двадцать лет, – продолжал он. – Иногда я спрашиваю себя: кому была нужна моя жизнь? Я прибыл сюда, когда мне было тридцать четыре года. Сейчас мне пятьдесят пять. Я уже старик.



Двадцать лет ожидания хуже всякой тюрьмы. Постоянно на натянутых нервах. Хотя бы я что-то делал, так было бы легче. А то «законсервирован». Как разведчик, я все понимаю, нужны и такие агенты, но, поверьте, тяжело, очень тяжело.

Он снова разлил виски в бокалы, на этот раз добавив немного тоника.

– Знаете, зачем я вам это рассказываю? – спросил вдруг Гreve. – Чтобы у вас не было иллюзий. Я потерянный агент, человек дисквалифицировавшийся. Двадцать лет без работы, такое даром не проходит. Недавно в газетах прочел, что госбезопасность наша сумела-таки взять генерала Полякова. Его расстреляли, а он ведь был моим учителем в разведшколе.

– Зачем вы мне это говорите? – угрюмо спросил Дронго.

– А может, у вас есть приказ и о моей ликвидации. Сейчас ведь наши агенты сотнями переходят на другую сторону. Там, у победителей, лучше. Деньги, слава, безопасность. Здесь ничего нет.

– Вы не перейдете, – покачал головой Дронго, – мы это знаем. Психологи просчитали ваши действия.

– Верно, – кивнул Гreve, – не перейду. И знаете почему? Во мне остались какие-то непонятные мотивы, называйте, как хотите; идеалы, исключающие такую возможность. А вы правда считаете, что я смогу работать в полную силу спустя двадцать лет?

– Не знаю, – пожал плечами Дронго. – Я прибыл не для этого, – он понимал, что его ложь выглядит наивной, – пока я ваш связной на ближайшее время или вы мой, как вам будет угодно. Может, скоро меня сменит кто-нибудь другой.

– Не похоже, – Гreve снова потянулся за бутылкой, – не обижайтесь, но правда не похоже. Ваш «Мерседес», ваши манеры и одежда выдают вас. Связные такими не бывают. Они не разъезжают на «Мерседесах», взятых напрокат. У вас скорее какое-нибудь важное задание. Ведь вы, по-моему, даже не говорите по-немецки.

Дронго улыбнулся.

– А вы считаете, что потеряли квалификацию.

Гreve засмеялся.

– Здорово. Это вы меня вынудили. – Он чуть пригубил бокал. – Я должен что-то сделать?

– То же, что и раньше. Просто жить. Ваше время еще не пришло.

– Вы действительно думаете, что мое время придет и я могу кому-то понадобиться?

– Я думаю, да, – почти честно ответил Дронго, – вы здесь двадцать лет, а это огромный капитал для дальнейшей деятельности.

– Как сейчас называется наша разведка? КГБ ведь не существует.

– Управление внешней разведки. Возглавляет Примаков.

– Ясно. Слушайте, можно я задам вам один вопрос?

– Валяйте.

– Вы отдаете себе отчет в том, что мы проиграли третью мировую войну? Лично вы понимаете это? Только честно, без пропагандистских клише?

– Понимаю, – почти сразу ответил Дронго, – даже лучше, чем вы думаете.

Они помолчали.

– Вам присвоено звание полковника, – сообщил Дронго.

– Спасибо. Кстати, там еще не поменяли форму?

– Нет, такая, как раньше. Три звезды и две полосы. Просто звездочки чуть сместили в сторону плеча.

– Значит, и здесь поменяли, – махнул рукой Гreve. – А как там в стране, правда тяжело?

– Правда, – подтвердил Дронго, – но словами это трудно объяснить. И потом, сейчас у нас разные страны. У вас своя, у меня своя, а работаем мы на третью.

– Да, да, – кивнул его собеседник. – Я все понимаю. Вам, наверное, тоже нелегко. Простите.

– Обсудим дальнейшую работу. Скоро у вас будет встреча по варианту три. Вы все помните? Канал связи прежний.

– Конечно, помню.

– У вас есть какие-нибудь личные просьбы?

– Нет. Наверное, нет. В Казахстане у меня брат, сестра. Мать умерла десять лет назад, а как они, я не знаю.

– С ними все в порядке. Ваш брат уже дедушка. Кстати, дочь вашей сестры недавно переехала в Германию.

– Да? – оживился Альфред. – Где они живут, я их... – Он осекся. – Впрочем, не говорите, а то я не выдержу и поеду туда.

– А я и не скажу. Во-первых, я правда не знаю. Во-вторых, когда ее выпускали, была соответствующая операция. Они живут далеко отсюда, в северной части Германии. Не думаю, что вы когда-нибудь увидите. И потом, вы их вряд ли теперь узнаете.

– Да, наверное, это к лучшему... – кивнул Гreve. – Сейчас мы спустимся вниз по озеру и подойдем к причалу через полчаса. Вы возьмете такси и поезжайте в Штарнберг. Там заберете свой автомобиль.

– Хорошо. А сейчас поговорим еще немного о деле...

Гreve встал к рулю, разворачивая катер.

Возвращаясь под сильным дождем домой, Дронго снова прокручивал в памяти свой разговор с Альфредом.

«Вы понимаете, что мы проиграли третью мировую войну?» – спросил его Альфред.

Конечно, понимает. Это Гreve сидит в благополучной Германии вот уже двадцать лет и так нервничает, а что делать ему? Танки в Тбилиси, Вильнюсе, Баку, погромы, убийства, настоящие войны, развернувшиеся сразу в нескольких республиках, распад страны. Он это слишком хорошо понимает.

«Мы проиграли третью мировую войну, – сказал Гreve, – проиграли».

Именно поэтому так нужна его операция. Вечером Дронго передал сообщение в Москву: «Агент к дальнейшей деятельности готов, консервация проходит успешно».

## РАЗГОВОРЫ О БУДУЩЕМ

*Магнитофонная запись в управлении внешней разведки.*

*Документ особой важности.*

*Не прослушивать никогда.*

*Доступ запрещен всем категориям лиц.*

*Вскрыть лично начальнику управления.*

*Дмитрий Алексеевич:* —... Собственно, уже в восемьдесят девятом стало окончательно ясно, что ГДР мы сдадим. Нужно было выяснить только форму сдачи. И приемлемые условия. Кстати, Эрих Хонеккер знал об этом и потому так настороженно относился к нашей деятельности в его стране. Нам не удалось тогда провести операцию в состоянии полнейшей секретности. Ведомство Мильке что-то узнало о нашем плане и проинформировало Хонеккера. Но было слишком поздно.

Бегство восточных немцев уже невозможно было остановить. Мы оказались вынужденными пойти на смещение Хонеккера.

Однако последующие события развивались стремительнее, чем мы предполагали.

*Дронго:* – Вам не кажется, что и этот вариант поддавался прогнозированию?

*Дмитрий Алексеевич:* – Он и был предусмотрен, однако не в такой обвальной форме. Кренц и Модров уже не могли спасти положение. В последний момент от нас настойчиво требовали вооруженного вмешательства. Танковые колонны в те часы получили приказ быть в полной боевой готовности. Дивизии разворачивались для выступления. Тогда на Горбачева очень давили. Но именно КГБ не дал согласия на эту операцию. Крючков категорически не хотел вначале слушать наших аналитиков, тем не менее ему пришлось признать правоту их доводов. Танки так и остались стоять в ангарах, а Берлинская стена рухнула. *Дронго:* – В данном случае ее подкапывали с двух сторон.

*Дмитрий Алексеевич:* – Да, именно с двух. Объединение Германии, процесс давно назревший и стоявший в наших планах на первом месте, произошел и благодаря нашей деятельности. В данном вопросе мы даже сотрудничали с американцами. Восторженные немцы ломали бетонные плиты, мы помогали убирать невидимые заграждения. Все произошло так, как и должно было произойти. Стена рухнула, и объединение Германии стало реальным фактором европейской, да и мировой политики. Скажу откровенно, такого эффекта не ожидал никто; не только ЦРУ, но и сами немцы были, пожалуй, больше других ошеломлены таким подарком. Случилось то, что мы предполагали еще за несколько лет до падения Берлинской стены. Однако в данном случае мы не только предполагали, но и действовали. Тысячи секретных агентов «Штази» в течение последних десяти лет незаметно и тайно выводились из-под контроля немецких спецслужб. Мильке<sup>1</sup> и Вольф,<sup>2</sup> догадываясь о многом, предпочитали закрывать глаза. Агенты поступали в наше распоряжение, и вся их картотека передавалась в наши ведомства. Мы успешно внедряли в ГДР агентуру из турков, вьетнамцев, корейцев, стараясь охватить все регионы страны. В назначенный день они должны были начать действовать.

Именно благодаря оперативности наших секретных сотрудников удалось разгромить в восточном Берлине картотеку «Штази», уничтожив последние ниточки, связывавшие старых агентов с их бывшими хозяевами. К тому времени, когда Берлинская стена пала, практически вся территория ГДР была покрыта сетью наших сотрудников. Американцы и западные немцы в состоянии эйфории не смогли распознать нашей игры. И это стало нашим большим достижением. *Дронго:* – Вы проводили одновременно подобную операцию и в Западной Германии?

---

<sup>1</sup> Эрих Мильке – шеф «Штази», восточногерманской службы безопасности.

<sup>2</sup> Маркус Вольф – шеф разведки ГДР.

*Дмитрий Алексеевич:* – Маркус Вольф передавал нам только «законсервированных агентов», известных лично ему. В противном случае мы отказывались от сотрудничества.

*Дронго:* – Но у вас были и свои «консерванты»?

*Дмитрий Алексеевич:* – Конечно. С некоторыми из них вы даже увидите. Должен сказать, что среди них есть люди, которые по пятнадцать-двадцать лет жили в Германии. Это наш «золотой фонд». И мы не намерены его растраниживать, но учтите, ваша миссия как раз и состоит в том, чтобы убедить некоторых из них сдать властям.

*Дронго:* – Я не совсем вас понял.

*Дмитрий Алексеевич:* – Я повторяю, они должны будут сдаваться властям.

## Глава 5

В Дрезден он прибыл утренним поездом. Город уже проснулся, и многочисленные прохожие, не обращавшие на него внимания, спешили на работу. Немцы, начинающие свою работу, пожалуй, раньше всех в Европе, были молчаливы и сосредоточены. В этот обычный будний день Дронго старался не выделяться в толпе. Свой небольшой чемоданчик знаменитой французской фирмы «Делсей» он сдал на вокзале в камеру хранения. В чемоданчике был его обычный набор – зубная щетка и паста, любимая туалетная вода «Фаренгейт», бритвенный набор, смена белья и две рубашки. Кроме того, в чемоданчике лежал включенный небольшой скэл-лер, предназначенный глушить разговоры во время прогулок хозяина чемодана. Другой скэл-лер лежал у него в кармане.

В Дрездене Дронго бывал и раньше. Именно поэтому он назначил свидание Марии здесь, чтобы убедиться в обоснованности своих позиций. Перед поездкой в Магдебург он хотел еще раз просчитать свои будущие ходы.

Мария ждала его на террасе, в том самом кафе, где он однажды встречался со связным одиннадцать лет назад.

Тогда это была почти своя территория. Дрезден, как и всю Германию, наводняли тысячи агентов «Штази», и Дронго даже не думал о мерах предосторожности. Теперь Дрезден находился глубоко в тылу противника, и ему приходилось действовать осмотрительней. Поэтому он терпеливо наблюдал почти двадцать минут. Все было спокойно.

Заметив Дронго, Мария кивнула ему. Он, не сказав ни слова, сел за столик.

– Вы непунктуальны, – отметила она, взглянув на часы.

– Простите. Обычно я специально немного опаздываю, чтобы проверить реакцию окружающих. Если, кроме нас, о разговоре знает кто-нибудь еще, они обязательно начинают нервничать, и это становится сразу видно. Разведчик не может опаздывать больше чем на десять минут, этот закон известен во всех разведшколах мира. А я люблю действовать вопреки правилам. В любом случае прошу меня извинить за опоздание.

Мария с интересом посмотрела на него.

– Вы странный человек, Дронго. Кстати, где вы испачкали свой плащ? Вот здесь, слева. Он почистил рукав.

– Стоял, прислонившись к стене, – улыбнулся Дронго.

На Марии была легкая кожаная куртка и темная блузка. В черных брюках и спортивной обуви она выглядела лет на десять моложе своего возраста.

– Вы хорошо сегодня выглядите, – заметил Дронго, почти не покривив душой.

– Будете кофе? – проигнорировала она его комплимент.

– Да, – кивнул он подошедшему официанту, – хотя я не очень люблю кофе.

– Зачем же вы тогда заказали его? – Она улыбнулась.

– За компанию с вами. Чтобы не сидеть просто так.

Официант уже нес дымящийся кофе.

Она подождала, пока он отошел.

– У нас появились некоторые осложнения, – сообщила Мария.

– Что-то случилось?

– Да.

Дронго понял все без лишних слов. Ему впервые стало не по себе. Рядом с ним сидела профессиональная убийца, и он знал, что стоит за ее словами.

– Вы привезли инструменты? – глухо спросил он.

– Разумеется. – Достав сигареты, она щелкнула зажигалкой. – У вас на лице написано, что вы обо мне думаете.

- Это я думаю о других людях, – возразил Дронго. – Когда мне нужно быть на месте?
- Встреча состоится завтра в два часа дня. Наш подопечный предупрежден.
- У вас есть резервный вариант?
- Конечно.

Он протянул салфетку.

- Напишите название города.

«Деделебен», – прочел разведчик.

– Все правильно. – Дронго разорвал салфетку на мелкие клочки и попросил у Марии зажигалку.

Глядя, как горит бумага, он задумчиво произнес:

- Только бы он согласился.

Мария взглянула на часы.

- Мне пора, – понял Дронго.
- Как вы доберетесь до Магдебурга?
- На прогулочном катере. Отходит через два часа.
- Я лечу самолетом.
- Вы будете ждать меня на месте?
- Разумеется.
- Я не спрашиваю, где вы будете. Что мне сделать в случае его согласия?
- Как и договорились. Достать носовой платок и вытирать лицо.
- В случае отказа...
- Вы уходите, не доставая платка.

Дронго понимал: у агента, на встречу с которым он шел, не было ни единого шанса. В случае отказа от сотрудничества Мария должна его ликвидировать. Из-за этого предстоящий разговор казался мучительным, ибо на карту ставилась жизнь человека.

## Глава 6

Они встретились в парке. Как было условлено, Эрих Хайншток пришел на встречу ровно в два часа дня. Андрэ Фридман появился на месте спустя двенадцать минут. За час до назначенного времени Дронго внимательно осмотрел место встречи. У входа в парк стоял заброшенный пятиэтажный дом. Лучшего места для снайпера трудно найти. Но Марии нигде не было. Он вдруг впервые отчетливо понял, что через час будет решать судьбу человека.

Он вспомнил данные из персональной картотеки «Штази». Хайнштоку пятьдесят четыре года. Тридцать из них он проработал в 15-м управлении, в ведомстве Маркуса Вольфа, специализируясь на вопросах внешней разведки. Восемь лет провел за рубежом, в Испании и Южной Америке. Владел тремя европейскими языками. Имел звание полковника восточногерманской разведки, награды. Был женат, но жена умерла, и с учетом этого фактора психологи и аналитики рекомендовали Хайнштока для работы с Дронго.

Немец должен был сдать властям. Убедить его сделать так – в этом и заключалась миссия Дронго. Агент был нелегалом в собственной стране, и даже его соседи, знавшие Эриха много лет как талантливого кинооператора, не подозревали о его подпольной деятельности. Досье Хайнштока было заранее переправлено в Москву. Теперь он должен сдать властям, а заодно выдать всю сеть агентуры, подготовленную советской разведкой. Это был один из основных пунктов дьявольского плана российских спецслужб. И главной ударной силой на этом этапе операции должен стать Хайншток.

Дронго уверенно подошел к нему, отметив спокойную реакцию полковника.

– Добрый день. – Дронго говорил по-английски, которым, судя по досье, его собеседник владел.

Хайншток, пожав протянутую руку, предложил сесть на скамейку. Дронго привычным жестом включил в кармане скэллер.

– Меня зовут Андрэ Фридман, – начал Дронго, – вас предупреждали о нашей встрече.

– Да, но я думаю, что вам говорили о моем нежелании видаться с вами. – По-английски Хайншток говорил правильно, но с характерным немецким акцентом.

– Не успели, – искренне признался Дронго, – я уже несколько дней как выехал из Москвы.

– И тем не менее я настаиваю на своем. Мне не хотелось бы иметь никаких контактов с русской разведкой.

– Однако вы работали на нее в течение последних тридцати лет.

– Да, и никогда не стыдился этого. Сейчас ситуация изменилась.

– Вы хотите выйти в отставку?

– Я фактически уже в отставке последние три года.

– Разведчики так просто не уходят.

– Не говорите банальностей. Я никогда не скрывал своих убеждений. И сейчас не собираюсь скрывать. Это не значит, что я буду работать на вашу разведку.

– На нашу не надо. А на свою? – неожиданно спросил Дронго.

Хайншток с интересом взглянул на него.

– Хороший вопрос. Только я не совсем понял, о чем вы говорите?

– Я говорю о работе вашей разведки.

– У нас нет никакой разведки.

– Вы действительно так считаете?

– Перестаньте морочить мне голову. Вы, кажется, вдвое моложе меня.

– Разведка так просто не исчезает, – терпеливо продолжал Дронго. – Как не исчезают так просто и государства, и профессионалы, работающие на эти государства.

– Продолжайте. – Хайншток достал сигареты, щелкнул зажигалкой, затянулся.

– Вы слышали о плане «Везувий»?

– Я должен отвечать? – Агент взглянул на Дронго. – Вы не сказали пароль, – вдруг тихо добавил он.

– Да, я помню. А вы повторите, у вас нет никакой разведки. Условная фраза: «Я жду извержения вулкана две тысячи лет».

– Да, – помолчав немного, выдал наконец Хайншток, – я слышал об этом плане. Собственно, все наши нелегалы в бывшей ГДР знали, что делать в этом случае. Но данный вариант не совсем подходит. Мы готовились действовать против условного противника в случае временного захвата нашей территории. Или вы считаете, что Западная Германия временно оккупировала Восточную?

– Давайте без сарказма, – Дронго посмотрел на часы, – может, немного прогуляемся по парку?

– Охотно.

Они поднялись, неспешно направляясь в глубь парка. Хайншток характерным жестом разведчика раздавил окурок пальцами и выбросил его.

– План «Везувий» предусматривал наличие законспирированной тайной сети агентов, внедренных на свою территорию в случае ее захвата условным противником, – начал Дронго. – Именно это и случилось. Вы, конечно, знали, что ваша сеть контролируется и советской разведкой.

– Догадывался.

– Считайте, что это время пришло. План «Везувий» введен в действие.

– И это означает, что я снова на службе? – иронически спросил Хайншток.

– А как вы думаете?

– Но «Везувий» предусматривал активные действия, организацию диверсионных групп, индивидуальный террор, поджоги складов. Надеюсь, вы всего этого не потребуете от меня?

– Конечно, нет. Сейчас же не идет война. Кроме того, геополитически в Европе довольно скоро наступит, если уже не наступила, гегемония Германии, а ее союзником вполне закономерно станет Россия. Вы, как видно, несколько скорректировали план «Везувий». Активные действия ни в коем случае не предусмотрены против нашей страны. Проанализируйте ситуацию. Довольно скоро объединенная Европа с Германией во главе и евро-азиатское содружество стран во главе с Россией столкнутся с Америкой и Японией. А экономическое столкновение неизбежно приведет к политическому.

– Согласен, – немец посмотрел на Дронго, – я, кажется, начинаю понимать, зачем вы приехали.

– Однако пока Германия находится как бы в сфере интересов Америки. И вот здесь вступает в действие план «Везувий». Но наоборот. Кому-то из руководителей нужно будет... сдать всю сеть агентов американцам.

– Что вы сказали? – Хайншток не смог скрыть своего изумления. – Сдать всю сеть агентов? Но для чего?

– Мы приготовили им несколько неприятных сюрпризов в расчете на перспективу. Агенты, попавшие к ним, дадут согласие работать на американцев. Среди действительно честных людей, которые обязательно предадут, будут и несколько дезинформаторов. Всего, конечно, я не могу вам рассказать. Да и не знаю подробностей.

– Господи, – Хайншток остановился, – вы снова принялись за старое.

– Да, третью мировую войну мы проиграли. Но именно сегодня закладываются будущие успехи в четвертой мировой. – Дронго был противен самому себе. – Вы ведь хорошо знаете историю западногерманской разведки. Генерал Гелен создавал ее сразу после второй мировой войны. Время показало, что он был прав.



– Вы сумасшедшие, – немец покачал головой, – я все понял. Вы хотите, чтобы жертвенной овцой стал я?

– Да, – быстро ответил Дронго, – вы лучшая кандидатура. Один из самых законспирированных агентов разведки ГДР. О вашей деятельности знали только считанные единицы. Вы тот человек, который нам нужен.

– Я не могу.

– Сможете. Мы просчитали ваши коэффициенты.

– Вернее, я не хочу.

– Почему?

– У меня есть свои, личные мотивы. Я не собираюсь остаток жизни проводить на закрытых американских базах ЦРУ.

– Вы профессионал, Хайншток.

– Я прежде всего пожилой человек. Тридцать лет вполне достаточный срок. Я считал себя давно в отставке.

– У профессионалов вашего класса не бывает отставки.

– И тем не менее это так. Вам известно, что я недавно женился? Мы встречались восемь лет, все время, пока болела моя жена. У нее было больное сердце. Но вы, наверное, об этом знаете.

– Да.

– Теперь явились вы и советуете мне начать все сначала. Я слишком стар для подобных операций.

Дронго молчал.

– Я все понимаю, – произнес вдруг Хайншток, – если я откажусь, вы должны меня ликвидировать.

Дронго снова промолчал.

– Ваше руководство не разрешит мне провалить операцию, которую так тщательно готовили. Дронго посмотрел собеседнику в глаза.

– Что вы от меня хотите?

– Один день. Подарите мне один день, и я исчезну. У меня уже все готово. Уверяю вас, меня не найдут. Я много лет работал в Южной Америке. Мы уедем с женой в такое место, где меня не будут искать. А если даже начнутся поиски, не найдут. Я просто устал от этих игр. Честно говоря, я не думал, что вы так быстро выйдете на меня. Мне всегда казалось, что у меня еще есть время.

– Вы успеете за один день? – неожиданно спросил Дронго.

– Да, у меня практически все готово.

– Идемте к выходу.

Немец, не сказав больше ни слова, пошел за спутником. Он был настоящим профессионалом.

Перед выходом из парка Дронго достал носовой платок и тщательно вытер лицо.

– Удачи вам. – Он вторично вытер лицо.

Хайншток понял все. Грустно улынувшись, он протянул руку.

– Спасибо вам. Можете не беспокоиться. Я живым в руки не дам. Ни тем, ни другим.

Глядя на удаляющуюся фигуру немца, Дронго думал о Марии. Она должна была поверить ему. После смерти Натали он как-то особенно чувствовал ценность человеческой жизни. Сегодняшним днем Дронго был доволен. Он спас человека, но, кажется, здорово осложнил жизнь самому себе.

МАРКУС ВОЛЬФ

ИДЕАЛИСТ ПОНЕВОЛЕ.

ЧЕЛОВЕК, СОЗДАВШИЙ РАЗВЕДКУ

## БЫВШЕЙ ГДР

Маркус Иоганнес (он же Миша) Вольф – личность легендарная. Сын известного в свое время немецкого писателя-коммуниста, бежавшего с семьей в СССР сразу после прихода Гитлера к власти, он вернулся на родину после второй мировой войны уже профессиональным разведчиком. В книге «Охотник вверх ногами» Кирилл Хенкин упоминает, что с мальчишеских лет Маркус Вольф дружил с таким асом советской разведки, как Вилли Фишер, он же Рудольф Абель. Когда в 1952 году в структуре «Штази», т. е. восточногерманского МГБ, было создано 15-е главное управление, занимавшееся внешней разведкой, Вольф возглавил его и оставался на этом посту вплоть до своего ухода на пенсию четыре года назад.

Чекист-перебежчик Олег Гордиевский называет Маркуса Вольфа «одним из самых старых и способных шефов разведки советского блока». В активе Вольфа числился его лучший агент Гюнтер Гильом, сын врача, в свое время помогавшего политику-социалисту Вилли Брандту скрываться от гестапо.

В 1955 году Гильом-старший по заданию разведки ГДР послал Вилли Брандту, к тому времени бургомистру Западного Берлина, письмо, в котором просил помочь своему сыну, якобы преследуемому восточногерманскими коммунистами. Брандт чувствовал себя обязанным доктору, и через год Гюнтеру Гильому с женой предоставили политическое убежище в ФРГ. Оба они были офицерами 15-го главного управления, только что ставшего Главным разведывательным управлением.

Супруги Гильом получили работу в аппарате Социал-демократической партии, возглавляемой Брандтом. Когда в 1969 году социал-демократы победили на выборах и привели коалицию к власти, Вилли Брандт стал канцлером, а Гюнтер Гильом его личным секретарем и доверенным помощником. Гордиевский считает это одним из выдающихся примеров агентурного внедрения в истории современной разведки. С помощью Гильома Маркус Вольф, а затем и советский КГБ узнавали все подробности «ост-политики» Западной Германии. Скандал, связанный с разоблачением шпиона в 1974 году, привел к отставке Брандта. По оценке более чем тридцатилетней давности, Маркус Вольф внедрил в различные государственные структуры ФРГ от двух до трех тысяч своих агентов. Ему принадлежит более чем успешная стратегия «атаки на секретарш»: многочисленные случаи, когда неотразимые сердцееды из восточногерманской разведки влюбляли в себя, соблазняли и вербовали одиноких, немолодых секретарш различных правительственных ведомств ФРГ. В середине 50-х годов таким образом была завербована 44-летняя секретарша боннского МИДа Ирмаграде Ремер, не устоявшая перед чарами «красного Казановы» Карла Хельмерса.

Гордиевский подчеркивает, что в брежневскую эпоху разведка ГДР могла похвастаться наиболее впечатляющими успехами тайной войны Востока с Западом. В октябре 1968 года покончил самоубийством контр-адмирал Герман Людке, заместитель начальника отдела материально-технического обеспечения войск НАТО. Людке, среди прочего, имел доступ к картам размещения тысяч тактических ядерных ракет и был разоблачен, когда фотографировал миниатюрным «Миноксом» один из сверхсекретных документов. В день его самоубийства застрелился заместитель главы разведки

ФРГ Хорст Вендланд, а в ближайшую неделю покончил с собой заведующий отделом мобилизации боннского министерства экономики Ганс Шенк.

Между тем Маркус Вольф успешно продолжал «атаку на секретарш». В 1967 году была осуждена Леонора Саттерлейн, секретарша министерства иностранных дел, которая через своего мужа Хайнца передала КГБ 3500 различных секретных документов. Когда Леонора узнала, что Хайнц женился на ней с единственной целью – завербовать ее, она покончила с собой в тюремной камере. В 1970 году за аналогичную работу на Вольфа была арестована Ирена Шульц из министерства по делам науки, а в 1973-м – Герда ШрETER, работавшая в посольстве ФРГ в Варшаве.

Маркус Вольф отошел от дел в 1987 году в чине генерал-полковника. Как отмечает Олег Гордиевский, в последние годы командования иноразведкой ГДР он основательно испортил отношения со своим непосредственным начальником – министром госбезопасности Эрихом Мильке и с самим Хонеккером. Сегодняшним идеализмом от этих ссор тогда и не пахло – Вольф жаловался в московский центр на то, что Хонеккер «ограничивает разведывательное сотрудничество ГДР с СССР». В январе того года корреспондент «Ичсайта» Джонс Бернстайн писал, что неожиданный уход Вольфа частично объясняется его размолвкой с Хонеккером, не пожелавшим плыть в фарватере горбачевских реформ. Согласно версии советолога Авигодора Хейзелкорна, Вольф всю свою сознательную жизнь был продуктом советской разведки и упрямо гнул ее линию.

«Новое русское слово», Александр Грант

## Глава 7

Вечером в назначенное время к небольшому пивному бару «Померания» подъехало такси. Из него вышла Мария, сильно хлопнув дверцей. В дальнем углу бара сидел Дронго. Женщина направилась прямо к нему. Она была в темном плаще и черном берете, делавшем ее похожей на испанку или француженку.

Сев напротив него, она сложила руки на столике. На бледном лице почти не было косметики. Под глазами виднелись темные пятна.

– Добрый вечер, – поздоровался Дронго, – у вас плохое настроение?

– С чего вы взяли?

– Вы неважно выглядите.

– Просто устала. – Мария достала пачку сигарет, зажигалку. Громко щелкнув ею, затянулась. Лишь после этого сняла берет, расстегнула плащ.

– Вы невежливый кавалер, – упрекнула Мария, – разве можно говорить даме, что она плохо выглядит?

– Вы правы, простите.

– Ладно, считайте, что простила. У вас был разговор с Хайнштоком?

– Вы же наверняка видели.

– Верно, но я не слышала, о чем вы говорили.

– О жизни, – усмехнулся Дронго, – о его и моей неустроенной жизни.

– Почему вас так потянуло на лирику? – Она курила сигарету с непонятной жадностью, втягивая в себя вместе с воздухом сигаретный дым.

Доставая платок, он опустил руку в карман своего плаща, лежавшего на стуле. Автоматически проверил включение скэллера. Рука привычно скользнула по металлическому покрытию аппарата. Дронго вытер лоб и положил платок обратно в карман, поправляя плащ. Вчера вечером в отеле он уронил скэллер на пол, и с левой стороны появилась небольшая царапина. К счастью, аппарат не пострадал, разведчик проверил его в гостинице, попросив портье принести в номер магнитофон. Скэллер исправно глушил все его разговоры в радиусе двадцати метров. Он внимательно осмотрел аппарат, и лишь убедившись в его функциональности, снова положил его на место. Но сегодня эта царапина все-таки чувствовалась.

– Я вообще люблю лирику. – Он кивнул официанту, заказав два стакана вина. – Мы должны встретиться с ним завтра утром, – весьма убедительно соврал Дронго.

– Зачем? – Она спросила это безразличным тоном, затягиваясь сигаретой. За темными стеклами очков почти не было видно ее глаз. – Он хочет подумать до завтрашнего утра.

– Когда вы с ним должны увидеться?

– В десять часов утра, недалеко от его дома. – Впервые Дронго подумал, как трудно обманывать, не видя выражения глаз собеседника.

Словно прочитав его мысли, Мария сняла очки, посмотрела на него.

– У меня нет карты, но название улицы я запомнил.

– Покажите. – Она достала карту города.

Склонившись над картой, Дронго вдруг почувствовал тонкий аромат духов.

– Вот здесь, – уверенно показал он заранее выбранное место. Своя карта была у него в кармане пиджака.

Женщина долго молчала, рассматривая карту.

– Хорошо, – сказала она, не поднимая головы, – я буду в соседнем доме. Если он откажется, действуйте по плану.

Официант принес горячее вино и две тарелки мягких рогаликов.

– Ваше здоровье. – Дронго поднял стакан.

– Ваше здоровье. – Мария взяла стакан, раздавив в пепельнице окурочок характерным жестом, т. е. смяв его почти пополам.

Он обратил внимание на этот жест еще в Таллине.

– Вы всегда курите «Мальборо»? – спросил Дронго.

– Да, хотя в России сейчас трудно что-то достать. Выручают командировки и наши ребята. Я просто привыкла к этому виду сигарет.

– В каком отеле вы остановились?

– В частном пансионе, почти рядом с вашим отелем.

– Вы успеете утром доехать до его дома?

– Да, – кивнула Мария, снова надевая очки.

Дронго поднял стакан.

– За вашу дочь.

Она достала другую сигарету из пачки и неожиданно сломала ее.

– Спасибо. – На этот раз женщина заметно волновалась.

Правила конспирации не разрешали агентам проводить вместе на людях много времени. Сделав несколько глотков, Мария решительно проговорила:

– Вам пора, я уйду вслед за вами. Дронго встал и пошел к стойке бара. Румяный, толстощекий бюргер, сидевший неподалеку, ласково улыбнулся ему.

– Сколько я должен? – спросил Дронго по-английски у бармена.

– Двадцать семь марок, мистер, – получил он ответ на ломаном английском.

Расплатившись, он подошел к Марии.

– Лучше уходите вы первой, – предложил Дронго, присаживаясь, – у вас очень усталый вид.

– Хорошо. – Она застегнула плащ, положила сигареты и зажигалку в сумочку и, натягивая берет, попрощалась: – До завтра.

Он учтиво поднялся.

– До свидания.

Женщина стремительно вышла из бара. Дронго, посидев еще немного, взял свой плащ и, надевая его, пошел к выходу.

На улице моросил осенний дождик. Разведчик натянул плащ, рука привычно скользнула по скэллеру. Внезапно мелькнувшую мысль спугнуло такси, затормозившее рядом.

Дронго сел в машину, тщетно пытаясь вспомнить вдруг исчезнувший мотив. Что-то очень важное, как ему показалось минуту назад. Неприятное, ранее не испытанное ощущение мучило его всю дорогу.

Доехав до отеля, он щедро расплатился с водителем и поспешил внутрь.

Предупредительный швейцар уже раскрыл ему дверь. Дронго сунул руку в карман, доставая платок. Кажется, его знобило.

– Четырнадцать одиннадцать, пожалуйста, – сказал он портю и снова опустил руку в карман, нащупывая скэллер. Опять какая-то тревожная мысль... Портю протянул ему ключи.

Дронго вошел в лифт, пытаясь сосредоточиться. Мальчик-лифтер, улыбнувшись, спросил у него этаж.

– Четырнадцатый, – хрипло назвал он и вдруг понял, что его беспокоило. На скэллере не было царапины.

Разведчик прислонился к зеркалу. Снова тщательно ощупал прибор, не доставая его. Никаких сомнений: царапины не было. Он едва дождался, когда лифт остановится, и почти бегом направился к своему номеру.

Захлопнув за собой дверь, Дронго с сильно бьющимся от волнения сердцем достал скэллер. Сняв плащ, прошел в комнату. Сел за стол и долго осматривал аппарат. Не было ни малейшей возможности ошибиться.

Это был не его аппарат. Уяснив сей факт, разведчик сразу успокоился, начав анализировать ситуацию. В баре к ним никто близко не подходил. Официант, подавший вино, стоял с другой стороны. Когда Дронго расплачивался с барменом, плащ лежал на спинке стула, рядом с Марией.

Сейчас нужно проверить скэллер. Он позвонил, попросив портье принести ему магнитофон.

Стоп. Если Мария заменила скэллер, интересно, для чего? Специально вывела из строя его аппарат, чтобы кто-то мог прослушивать их разговоры. Глупое предположение. Она – его единственная связь. Зачем ей предоставлять возможность кому-то слышать их разговоры, когда она сама может о них рассказать? Если скэллер не работает, значит, Марии нужно, чтобы кто-то посторонний слышал их разговоры. Непонятно только зачем? Или его снова хотят подставить американцам? Хотя операция разработана так тщательно и время еще не подошло. Тогда что же?

В номер постучали. Дронго подошел к дверям. В коридоре стоял портье с магнитофоном в руках.

– Благодарю вас, – кивнул ему Дронго, протягивая десять марок.

Захлопнув дверь, он быстро включил магнитофон на запись. Отошел в сторону. Затем, проверив выключение скэллера, громко, отчетливо произнес по-английски, едва удержавшись, чтобы не крикнуть эти слова по-русски:

– Раз-два-три.

Затем выключил магнитофон, перемотал кассету. Включил снова.

– Раз-два-три, – раздалось его слова.

Теперь главная проверка. Разведчик включил скэллер и магнитофон, поставив его на запись, и, отойдя в сторону, досчитал на этот раз до пяти.

Если скэллер работал исправно, он должен стирать любую запись в радиусе двадцати—двадцати пяти метров.

Дронго снова выключил скэллер, перемотал кассету и включил магнитофон. Ждал минуту, другую.

На кассете, кроме характерного шипения, ничего не было слышно. Это могло означать только одно: скэллер работал нормально.

«Значит, я сошел с ума, – невесело подумал Дронго, – но это все равно не мой аппарат. Может быть, мой выпал из плаща, и она, подобрав его, решила просто заменить своим. Тогда бы она сказала мне. Но для чего ей менять один исправный скэллер на другой, тоже исправный. Это какой-то идиотизм».

## РАЗГОВОРЫ О БУДУЩЕМ

*Магнитофонная запись в управлении внешней разведки.*

*Документ особой важности.*

*Не прослушивать никогда.*

*Доступ запрещен всем категориям лиц.*

*Вскрыть лично начальнику управления.*

*Дмитрий Алексеевич:* – Одним из перебежчиков, доставившим нам самые большие неприятности, стал Виктор Ощенко.<sup>3</sup> Он бежал из Франции в Лондон и сдался английской контрразведке. Впрочем, у нас имеются подтвержденные сведения, что он работал и раньше на англичан. Это просчет нашей собственной контрразведки. И военной, и КГБ. Как бы там ни было, Ощенко сумел уйти от нашего наблюдения и спустя две недели объявился у англичан. Нам остается только подсчитывать потери. Первыми он сдал наших разведчиков, работавших под «крышами» дипломатов и журналистов. Из Франции уже выслано несколько наших людей.

*Дронго:* – Он был резидентом КГБ или ГРУ?

*Дмитрий Алексеевич:* – Одним из наших резидентов по линии внешней разведки. Представляете, какой вред он нам нанес? У него было несколько особо доверенных лиц, с которыми Ощенко лично работал. Вот их фотографии. Это Франсис Тампервиль.<sup>4</sup> Он работал инженером во французском Комиссариате по атомной энергии. Спортсмен, бывший гимнаст. Мы послали на его вербовку одного из наших людей, тоже гимнаста в прошлом. В сентябре 1989 года Тампервиль был завербован по линии Главного разведывательного управления Министерства обороны СССР. Именно он снабдил нас тогда особо секретными документами Франции о ядерных испытаниях на атолле Муруроа. В это время французы испытывали новые системы запуска ракет. Весь проект был назван: «Оборонный секрет Бушлан».

*Дронго:* – Он работал бескорыстно, по идеологическим соображениям или вы платили ему?

*Дмитрий Алексеевич:* – Конечно, платили. Более двух миллионов новых франков. Это был важный источник ГРУ по разработке новой космической аппаратуры. Пожалуйста, его досье. Вот, второй – Дидье Дегу,<sup>5</sup> крупный специалист Франции по ядерной физике. Он работал в Генеральном управлении вооружений. Его пока не взяли, но, по нашим сведениям, через несколько дней он наверняка будет арестован.

*Дронго:* – Сколько ему лет, он выглядит довольно молодо?

*Дмитрий Алексеевич:* – Тридцать девять. Завербовали мы его пять лет назад. На него вышли через разведку КГБ. Активно подключилось тогда и ГРУ. Его досье содержит несколько интересных моментов, ознакомьтесь подробнее. Вот, третий – Жозеф Карон.<sup>6</sup> Тоже ученый. У него, кажется, были какие-то тайные симпатии к коммунистам. Во всяком случае, больше работал из-за идеологических воззрений, хотя и ему мы платили. Карону сорок четыре года, был завербован совсем недавно уже нашим ведомством. В компании «Томпсон» занимал одно из ведущих мест. Он передавал нам данные о французской системе связи РИТА. Вот его досье. По нашим наблюдениям, он тоже будет скоро арестован. Обратите внимание, он живет в Гренобле.

---

<sup>3</sup> Фамилия подлинная.

<sup>4</sup> Фамилия подлинная.

<sup>5</sup> Фамилия подлинная.

<sup>6</sup> Фамилия подлинная.

И, наконец, главное действующее лицо – Филипп Стенюи,<sup>7</sup> тридцатипятилетний профессор, специалист в области ядерной физики. Его дядя одно время был министром в правительстве Рокара, и именно тогда Стенюи получил назначение в Министерстве обороны Франции. Мы вышли на него через «Штази» в Бельгии. Разведчики ГДР тогда любезно сдали его нам. Ощенко хорошо знал его и лично работал с ним. Его французы пока не трогают. Видимо, англичане пожадничали и не выдали всех наших агентов. Мы подозреваем, что они решили перевербовать нашего агента, оставив в дураках французов. Стенюи для них исключительная находка. Посмотрите его досье. Он по натуре авантюрист, искатель приключений. Блестящий ученый и отменный сердцеед. Погонится за юбкой хоть на край света. Мы подловили его именно на этом. Вы понимаете, какой шанс мы получаем? Мы можем через него передать выгодную нам информацию. Англичане будут следить за ним, не вмешиваясь, а вышедшего на связь агента попытаются перехватить.

*Дронго:* – Но англичане знают, что Стенюи работал на нас. Они не поверят ни одному слову нашего человека после провала Ощенко.

*Дмитрий Алексеевич:* – Разумеется, не поверят. Если он будет агентом КГБ или ГРУ. А если это бывший разведчик ГДР, бежавший от преследований в новой Германии? Тут русская разведка могла бы рискнуть. В такой вариант они наверняка поверят.

*Дронго:* – Не нужно недооценивать английскую службу безопасности.

*Дмитрий Алексеевич:* – Если на Стенюи выйдет чужой, они могут заподозрить игру. Но у нас есть две идеально подходящие для этой операции кандидатуры. Одна – основная, другая – резервная. Первый – Эрих Хайншток, кинооператор. Проживает в настоящее время в Магдебурге. В числе высоких профессионалов «Штази». Именно он вербовал Стенюи. Хайншток – лучший вариант, но если что-нибудь произойдет, мы подготовили и резерв. Взгляните на эту фотографию – Эдит Либерман, пятьдесят шесть лет, заведующая аптекой в Деделебене. Есть такой маленький городок на границе бывшей Восточной Германии. Они встречались со Стенюи один раз в Брюсселе. Либерман – бывший майор «Штази», давно и активно работает вместе с нами. Детей нет. Если вдруг у нас сорвется кандидатура Хайнштока, на встречу со Стенюи пойдет Эдит Либерман. И ей придется сразу сдаваться англичанам.

*Дронго:* – А если Филиппа Стенюи взяли под контроль французы для установления его связей? Такой вариант вы полностью исключаете?

*Дмитрий Алексеевич:* – Значит, она попадает к французам. От этого сама операция не меняется. Главное, чтобы информация, которую мы хотим передать, попала в ЦРУ через англичан или французов, то есть через союзников. Тогда скорее поверят в искренность наших агентов, тем более что мы постараемся их в этом не разочаровать. Англичане не допустят, чтобы около Стенюи был кто-то, не установленный ими. Они арестуют этого человека. И попытаются выяснить, зачем он приехал во Францию к уже проваленному агенту. Риск может быть оправдан только в одном случае – если мы собираемся предотвратить большие потери, то есть просто убрать Ощенко. Англичане так и подумают, выйдя на человека, пославшего Хайнштока в Париж. Этим человеком будете вы, Дронго.

*Дронго:* – Вы сказали, что Либерман – резервный вариант. Что будет с Хайнштоком, если он откажется работать на нас?

*Дмитрий Алексеевич:* – Его... ликвидируют. И не пытайтесь возражать. Операция слишком важна для нас, чтобы мы могли рисковать.

---

<sup>7</sup> Фамилия подлинная.



## Глава 8

Он размышлял уже третий час. Скэллер, лежавший перед ним, был не его аппаратом. Это он знал точно. Скэллер работал так же исправно, как и его собственный исчезнувший. Дронго проверил его еще дважды, результаты были одинаковы во всех случаях.

Зачем тогда подменили его скэллер? Ответ приходил мучительно трудно, но он мог быть единственно верным: его скэллер чем-то отличался от подмены.

Может, он пострадал в результате падения? «Не может быть, – подумал Дронго, – я проверил его вчера так же, как этот сегодня».

Он разделся и лег на кровать, пытаясь сосредоточиться. Для чего Марии менять его аппарат? Вернее, не так. Какая разница могла быть между аппаратами? Оба работали на глушение технического подслушивания.

Какая-то разница обязательно есть. Начала болеть голова от разного рода диких предположений. «Может, в этом скэллере взрыватель, – размышлял Дронго, – дистанционное включение у меня в кармане. Господи, какие дурацкие мысли приходят в голову. Дистанционный включатель, кажется, что-то такое может быть. А если выключатель?» – вдруг подумал он, холодея.

Если первый скэллер, выданный ему в Таллине, был с такой начинкой, это означало, что его партнерша могла по своему желанию отключать аппарат во время беседы с некоторого расстояния. Зачем Марии отключать аппарат, когда он говорит с ней? Исключено. С Альфредом Греев они встречались на озере. Подслушать с такого расстояния невозможно, если не использовать направленный луч, но они находились в каюте, а над ними не было никаких вертолетов. Оставался Хайншток.

От ужасной догадки Дронго, подскочив, сел на кровати. Мария была агентом из управления «К», профессиональным убийцей. Она только сделала вид, что поверила ему. Если Мария слышала их разговор с Хайнштоком, значит, этот пожилой немец не доживет и до утра. Только для того она могла подменить аппарат.

Поэтому она так быстро согласилась с Дронго, почти не расспрашивая его. «Господи, – с испугом подумал он, – неужели я так ошибся?» Нужно немедленно ехать к Хайнштоку.

Он бросился одеваться. Натянув рубашку, сел на кровать. Так нельзя. Он может провалить всю операцию. Колебался он недолго.

«Кажется, я становлюсь пацифистом», – зло подумал он, одеваясь. Почему-то Дронго чувствовал себя обязанным Хайнштоку. Видимо, этот немец сумел сделать то, о чем мечтал сам Дронго: вырваться из паутины грязных спецслужб.

Он надел пиджак, затянул галстук и, схватив плащ, натягивал его уже в коридоре.

Спустившись по лестнице на десятый этаж, он вызвал лифт, находившийся в противоположном конце коридора. Профессионалы не теряют головы даже в исключительных случаях, всегда помнил Дронго.

Он не стал ловить такси у отеля, а пройдя две улицы, наконец остановил машину. Дронго плохо знал Магдебург и, достав карту, показал улицу, параллельную той, на которой жил Эрих Хайншток.

Остаток пути он проделал пешком. В трехэтажном доме, где жил агент, было тихо. Ни одно окно не светилось. Войдя в дом напротив, он минут двадцать наблюдал за окнами Хайнштока на третьем этаже. Тишина. «Неужели он хочет уехать рано утром, – подумал Дронго, – или уже уехал?» Он достал из кармана стандартную отмычку, приготовленную для таких случаев.

Рядом на улице резко затормозил автомобиль. От неожиданности он выронил отмычку.

«Нервы, – подумал Дронго, – у меня сдают нервы».

Впервые он совершал действия, направленные не против другой страны или преступной организации, а против своих коллег. «Человека нужно спасать», – искренне считал Дронго.

Он наклонился за отмычкой и замер.

На полу лежал окурок, смятый характерным жестом Марии Грот. Он осторожно поднял его. Сигарета «Мальборо». «Значит, она была здесь еще до того, как побывала в баре», – понял Дронго.

От волнения пересохло в горле. Он положил отмычку в карман и бросил окурок. Затем, выйдя из дома и уже не таясь, он перешел улицу и исчез в подъезде.

Поднялся на третий этаж. Там Дронго надел перчатки и достал отмычку. Довольно легко открыв замок, он толкнул дверь.

В квартире было тихо. Он осторожно прошел внутрь. Во всех трех комнатах царил идеальный порядок. Повсюду чувствовалась чисто немецкая аккуратность. В кухне стоял холодный чайник. На столе лежала раскрытая книга. В спальне кровать была тщательно застелена.

«Значит, Хайншток уже уехал», – с облегчением подумал Дронго. Она не успела. Слава Богу, хоть одного человека, вернее, даже двоих, если считать и жену агента, ему удалось спасти.

Он осмотрелся: кажется, ничего не нарушил. Подошел к дверям, собираясь выходить.

Затем, словно что-то вдруг вспомнив, заглянул напоследок в ванную комнату. Там в луже крови лежал убитый Эрих Хайншток.

### БЕЗ ШПИОНОВ МОЖНО ОБОЙТИСЬ

«Если западные разведывательные службы прекратят свою деятельность в нашей стране, мы сможем договориться о взаимном прекращении шпионажа – при условии правительственных гарантий», – заявил глава Службы внешней разведки России Е. Примаков в интервью английской газете «Санди таймс». Он также пригласил директора британской разведывательной службы «Сикрет Интеллидженс сервис» сэра К. Макколла посетить Москву.

Этот визит, если он состоится, продолжит новый курс Службы внешней разведки России на развитие делового сотрудничества с западными спецслужбами. В конце прошлого года Россию посетила директор британской контрразведки (Мэл-Ай-5) Стелла Римингтон, вскоре в Москву должен прибыть директор американского ЦРУ Р. Гейтс. «Сотрудничество набирает скорость, как никогда ранее», – отметил Е. Примаков.

В интервью «Санди таймс» Е. Примаков рассказал, что российская разведывательная служба действует в условиях резкого сокращения бюджетных ассигнований и пересмотра приоритетов. По всему миру уже закрылось 30 разведпунктов, операции полностью прекратились в большей части Африки и Юго-Восточной Азии. К концу года персонал за границей сократился наполовину. Любая политическая деятельность в иностранных государствах сейчас запрещена, полностью прекратилось и финансирование политических группировок за рубежом.

В то же время Е. Примаков признал, что разведывательный сбор научной и технической информации в странах Запада продолжается. «Мы усилили деятельность в поддержку экономических мер, которые помогают защите нашей страны», – заявил он. – Мы должны знать о важнейших технологических разработках».

## Глава 9

В половине десятого утра он вышел из гостиницы. Почти всю ночь Дронго размышлял, стоит ли ему вообще отправляться на место придуманной им встречи с Хайнштоком. Можно было дожидаться прихода Марии в отель. Но профессиональная привычка доводить любое дело до конца все-таки взяла верх.

Поймав такси, он поехал прямо к указанному им Марии месту встречи. У дома, где, по его расчетам, должна была находиться убийца, он остановил автомобиль и, расплатившись, вошел в подъезд и поднялся на второй этаж.

Вчерашнее убийство не просто потрясло его. Дронго был профессионалом и видел много смертей, часто сам балансировал на грани между жизнью и смертью. Много раз в него стреляли, дважды попадали. Часто стрелял он, иногда попадая. Но расчетливое убийство Хайнштока впервые наглядно показало всю изнанку грязной деятельности спецслужб. Даже после нелепой смерти своих друзей у него оставались какие-то иллюзии. Вчерашнее событие лишило его их навсегда.

Мария и в большей степени ее руководство хладнокровно спланировали и убили невинного человека только ради успешной работы Дронго. Это было нелепо и отвратительно, словно горькая истина их подлинной деятельности внезапно предстала перед ним в таком неприглядном виде.

Ровно без трех минут десять в подъезд дома вошла Мария. Она встала у окна, доставая сигареты. Женщина закурила, а он наблюдал сверху за выражением ее лица. Из-за темных очков не было видно глаз, но то, что она спокойно курила, ожидая его, о многом ему говорило.

Глядя на ее стройную фигуру, Дронго представлял, как она нажимала курок, убивая Хайнштока. Одно дело убить человека, угрожающего твоей жизни, в равной схватке. Другое дело – подстеречь и застрелить практически неизвестного. Без злобы и страха. Просто отлично выполняя свою работу.

Он сделал несколько шагов вниз. Женщина резко обернулась.

– Добрый день, – глухо поздоровалась Мария, – вы решили ждать его здесь?

– Может, больше не надо, к чему эти игры? Зачем вы подменили мой скэллер?

– С чего вы взяли?

– Мария, не нужно считать меня абсолютным идиотом. Мой первый скэллер был, видимо, настроен и на подслушивание тоже. Все зависело от вашего сигнала. Я слышал, что готовят такие аппараты, но никогда их не видел.

– Вы ошиблись, Дронго, – ровным голосом произнесла женщина.

– На старом скэллере была царапина, на новом ее нет. Я не ошибся, Кобра. Так, кажется, вас звали в Афганистане? Вы ведь из лучших снайперов КГБ. Я много о вас слышал. Но вот сегодня удалось вычислить.

– Вы очень догадливы. – Кажется, она разозлилась.

– Вам удалось подслушать мой разговор с Хайнштоком. Конечно, я недооценил вас. Вы еще до встречи со мной в баре решили не рисковать и убрали его.

– Значит, вы и это знаете. – Она достала еще одну сигарету, бросив окурочек. – Почему вы решили, что его убрала именно я?

– Вы опять бросили окурочек на пол. – Дронго вздохнул. – Вы хороший снайпер, профессиональный убийца, но не разведчик. Вы следили из соседнего дома за окнами Хайнштока. Я нашел там на полу ваш окурочек. Характерно смятый окурочек сигареты «Мальборо». Это первое. И второе – вы пришли сегодня на мою встречу с Хайнштоком без своего чемоданчика. У вас должны были быть бинокль и снайперская винтовка. Ведь я мог подать вам сигнал. Неужели вы тогда отпустили бы агента живым? А вы явились на встречу без своего оружия. Только в

единственном случае профессионал из управления «К» мог поступить так. Когда он абсолютно уверен, что встреча не состоится.

Он замолчал. Мария бросила сигарету и повернулась к выходу. Дронго тоже спустился и вышел из подъезда. Женщина ждала его на улице.

– Необязательно меня оскорблять. – Мария сняла очки и отвернулась от него.

– Это вы убили Хайнштока? – устало спросил Дронго.

– А что я должна была делать? – рассердилась женщина. – Ждать, пока он уедет? Что случится, если его перехватят в дороге? Если это даже один шанс из ста, из тысячи, его нельзя было отпускать. Речь шла о вашей безопасности, Дронго. Это был мой долг. Поймите наконец.

– Долг убить невинного человека. Пожилого, хотя нет, еще молодого и влюбленного. Косвенно вы убили и его жену. Только потому, что он не захотел работать на нас. – Дронго махнул рукой. – Я не собираюсь читать вам лекции по этике, просто не хочу с вами разговаривать. – Он резко повернулся.

– Пойдите, – раздалось за его спиной, – подождите.

Мария догнала его.

– Подождите. Я знаю, знаю, как вам горько и больно. Понимаю ваше состояние. Вы считаете, что я вас обманула. Хотя это не так. Все делалось исключительно ради вашей безопасности. Понимаю, что вы обо мне думаете, но простите меня, я не могла поступить иначе.

Подул легкий ветер. Она по-прежнему держала очки в руке. Глядя ей в глаза, он вдруг впервые подумал, что она сравнительно молодая женщина и как трудно ей убивать человека.

– Да, наверное, вы правы, – кивнул он, – просто я никак не привыкну к отвратительным правилам этих грязных игр.

– Я вам не рассказывала, как погиб мой муж. – Мария говорила тихо, словно сдерживая рвущийся стон. – Его вертолет сел в афганской деревне. К ним вышла девочка. Она пригласила их войти в дом. Второй пилот колебался, но мой муж, видимо, вспомнив о своей дочке, дал конфету и вошел внутрь. Там ему и отрезали голову. Только потому, что он поверил этой шестилетней девочке.

Она замолчала.

– Что было потом? – спросил он, предугадывая ответ.

– Наши ребята разбомбили этот дом, сожгли еще несколько домов рядом со всеми людьми, там находившимися. А мне потом привезли обгорелый труп моего мужа без головы. Я находилась в то время почти рядом, в Джагилабаде. Тогда я таскала с собой томик Ремарка – «Триумфальную арку». Там есть такие слова: «Разве можно умереть, когда любишь». Я еще раньше знала о любви Хайнштока, не думайте, что я такой безжалостный робот.

Она снова надела очки, с трудом сдерживаясь. Достала платок.

– Я не хотел вас обидеть, – угрюмо извинился Дронго, – просто не люблю, когда меня обманывают. Да и гибель этого немца на меня сильно повлияла. Я бы так не смог.

– Да, наверное, – согласилась Мария, – каждому свое.

– Сколько вам лет? – спросил Дронго, прикасаясь к ее локтю.

– Тридцать пять. Выгляжу я, наверное, старше.

– У вас красивые глаза, Мария, – в который раз повторил он грустно, – я много о вас слышал. После смерти мужа вы еще два года оставались в Афганистане.

– Верно. А потом я попросилась на эту работу. Здесь все ясно. Или убивают меня, или убиваю я. После того как я окажусь не нужна, меня убьют. И сделают это очень профессионально. – Она усмехнулась.

Он огляделся по сторонам.

– На нас обращают внимание. Пойдемте к площади.

Женщина послушно пошла за ним.

– Почему убьют? – мрачно спросил Дронго.

– Система, – пожала плечами Мария. – Вы ведь все понимаете. Мы всегда знаем слишком много. В каждой разведке мира есть снайперы, делающие свое дело, и агенты-ликвидаторы, убивающие этих снайперов. Вы спрашивали о моих успехах? На моем счету в Афганистане было тридцать четыре душмана. А за эти восемь лет еще одиннадцать человек. Это все, что я умею.

– Сколько лет вашей дочери?

– Пятнадцать. Она живет у моей матери, учится в школе с английским уклоном. Моя дочь... Играет в теннис и думает, что я геолог, пропадая месяцами в геологических партиях. Однажды ей сообщат, что я погибла в горах. А вы говорите, что я профессиональный убийца. Да я просто баба, потерявшая смысл в этой страшной жизни. В один из дней меня пошлют на задание, после выполнения которого я должна буду умереть. Не думайте, что мы этого не знаем, Дронго. Так было всегда. И так всегда будет. При любом правительстве и при любой системе. Эта война не кончится.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.